

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ПСИХОЛОГИИ

Научно-методический журнал

№ 3 (95)

Июль — сентябрь

Москва
2018

А. Н. Поддьяков, А. С. Пляскина

Инициативная саморефлексия при решении моральной дилеммы (на материале задачи «Азиатская болезнь»)

В статье рассматривается инициативная саморефлексия человека при решении моральной дилеммы. Это рефлексия по поводу своих мировоззренческих принципов, личностных черт, интеллектуальных особенностей, мыслей, эмоций, трудностей, испытываемых при решении моральной дилеммы, развертывающаяся и эксплицируемая человеком без явного побуждения со стороны другого. Данное явление было изучено на материале задачи Д. Канемана и А. Тверски «Азиатская болезнь», модифицированной авторами статьи и предоставляющей участнику возможность обосновать сделанный им выбор. Инициативная саморефлексия была составляющей тех обоснований своего решения, которые апеллировали к мировоззренческому, ценностно-смысловому отношению к предлагаемым выборам (такие обоснования составляли большую часть ответов участников), и не встречалась среди ответов, апеллирующих только к математической логике расчета вероятностей (меньшая часть). Полученные данные вносят вклад в понимание взаимодействия мышления и эмоций личности, «Я-рационального» и «Я-эмоционального» при решении моральных дилемм.

Ключевые слова: моральные дилеммы, «Азиатская болезнь», принятие решения, инициативная саморефлексия, мышление, эмоции, «Я-рациональное», «Я-эмоциональное».

Постановка проблемы

Моральные дилеммы различного масштаба сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Вынужденная ограниченность ресурсов ставит человека перед выбором: потратить деньги на дорогое обучение одного из детей, при этом отказав в нем другому; уделить внимание и время одному студенту/пациенту, при этом лишив их другого, и т. д. Предельную остроту моральные дилеммы приобретают в вопросах, связанных с жизнью и смертью: с военными действиями (террористическими актами), эвтаназией, абортными и др. [3]. Часть принимаемых решений здесь нередко характеризуются принципами альтернативного альтруизма — «человечности по отношению к одним за счет бесчеловечности по отношению к другим и к себе» [12; 13]. Данные ситуации острее, чем какие-либо другие, ставят перед человеком традиционные в области этики вопросы: как действовать в условиях вынужденного драматического или трагического выбора меньшего зла, насколько цель оправдывает средства и оправдывает ли? Как человек осуществляет выбор и принимает решение в таких ситуациях — на что опирается, чем руководствуется, в какой степени рефлексивирует проблему и осознает себя как морального субъекта?

Особое значение данный вопрос получает в контексте постмодернистской эпохи, связанной с провозглашаемой «смертью» супероснований — Бога (Ф. Ницше), автора (Р. Барт) и человека (гуманитарности) — и с девальвацией «вечных» ценностей и норм. В таких условиях людям стало труднее верить в разумные и справедливые правила, отчетливо различать ложь и истину, полагаться на когда-то объявленные надежными «общечеловеческие ценности». Стали необходимыми, как никогда раньше: поиск собственной позиции, определение себя и своих ценностей, формирование, понимание и осознание собственного мировоззрения и отношения к тем или иным ситуациям, событиям и явлениям жизни, другим людям, моральности собственных поступков и поступков других людей. Люди ищут ответы на вопросы: «хорошо или плохо?», «можно или нельзя?», преломляя их относительно собственной частной жизни и пытаясь самостоятельно построить систему моральных и нравственных координат. Соответственно, неизбежно в жизни многих современных людей возрастает роль самопознания — познания, направленного личностью на самого себя, на содержание своего «Я», начинаю-

шегося еще в младенчестве и продолжающегося на протяжении всей жизни человека [7]. Наличие у личности «Я-познающего» и «Я-познаваемого» (У. Джеймс) [2] является предпосылкой ее активности, субъектности. Важно и то, что человек не просто познает себя, свое Я, но и благодаря способности к самодистанцированию (В. Франкл) [17] может занять позицию, отнестись к тому, что он о себе узнает, осуществить определенные действия в отношении себя и своих поступков. Это дает возможность не просто плыть по течению собственной жизни и реагировать на внешние события, а изменять, создавать, творить свою жизнь — внутреннюю и внешнюю, взаимодействуя при этом с другими людьми.

В какой степени разные люди при решении моральных дилемм склонны осознавать, развешивать рефлексию по поводу своих мировоззренческих принципов, личностных черт, интеллектуальных особенностей, мыслей, эмоций? Это основной исследовательский вопрос, поднимаемый нами в данной статье. Для ответа на него в рамках эмпирического исследования мы представляем ниже описание и анализ решения взрослыми участниками задачи «Азиатская болезнь» [5] в модифицированной нами версии методики. Данная задача представляет собой пример ситуации морального, экзистенциального выбора, в которой нет однозначно хорошего и правильного решения [3] — потери предполагаются при любом выборе человека.

Моральный выбор и принятие решения в выполнении задачи «Азиатская болезнь»

Задача «Азиатская болезнь» Д. Канемана и А. Тверски [5] была разработана для изучения формирования суждений и принятия решений человеком в условиях неопределенности и риска. Их исследование позволило выявить несостоятельность принципа инвариантности, а также получить ряд других важных результатов, позволяющих объяснить, как человек принимает решения и осуществляет их. Например, был выявлен и проанализирован фрейминг-эффект — изменение выбора человека лишь под влиянием изменения формулировки задачи, при сохранении ее объективного содержания.

При этом исходная парадигма изучения принятия решений, тесно связанная с поведенческой экономикой, не предполагала изучения рефлексивных процессов, задействованных при решении дилеммы. Но мы считаем эти процессы важными. Соответственно, мы решили, используя стимульный материал той же дилеммы, предоставить участникам возможность обосновать свой выбор. В более общем контексте, не связанном только с данной задачей, мы поддерживаем точку зрения И. И. Знаменской, И. М. Созиновой и Ю. И. Александрова [4], подчеркивающих необходимость изучения обоснования морального решения, поскольку за одним и тем же выбором могут стоять разные механизмы его принятия. В целом в методологическом и методическом отношении мы развиваем идущую от Ж. Пиаже и Л. Кольберга традицию изучения решения моральных дилемм через анализ обоснования своего решения человеком.

Методика

Наша модификация методики «Азиатская болезнь» состояла в следующем:

1. Для усиления личной вовлеченности участника было внесено изменение в формулировку задачи: вместо вводной фразы: «Представьте, что Соединенные Штаты готовятся к вспышке необычной азиатской болезни, кото-

рая, как ожидается, убьет 600 человек» — давалась фраза: «Представьте, что Вы — президент некой страны и в ней идет подготовка к эпидемии необычной азиатской болезни, которая, по прогнозам, убьет 600 человек». Далее, как и в классическом варианте, участнику сообщалось: «Вам предложены две альтернативные программы борьбы с заболеванием. Допустим, точные научные оценки последствий для каждой программы таковы:

Если будет принята программа А, 200 человек будут спасены.

Если будет принята программа Б, с вероятностью $\frac{1}{3}$ будут спасены 600 человек и с вероятностью $\frac{2}{3}$ никто не спасется.

Какую из двух программ выберете Вы?»

2. В отличие от исходной версии Канемана и Тверски, после ответа участнику предлагалось объяснить, почему он выбрал такой вариант решения: «Напишите, пожалуйста, почему Вы выбрали эту программу. На чем основывается Ваш выбор и как Вы можете его объяснить?», т. е. надо было обратиться к себе, своему Я и собственным представлениям о жизни, ситуациях моральных дилемм, моральности различных выборов в предложенной задаче, своему отношению к ним.

3. Далее, участнику предлагалось пройти методики:

- а) Шкала общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна (MSTAT) [10];
- б) опросник «Личностные факторы принятия решения» (версия «ЛФР-21») [14].

Данный этап исследования, с одной стороны, позволял собрать важную дополнительную информацию об участнике, а с другой — создать паузу перед вторым предъявлением задачи «Азиатская болезнь», дававшейся в несколько отличающейся формулировке.

4. Участник должен был снова решить ту же самую по содержанию задачу «Азиатская болезнь», но уже в варианте, сформулированном в терминах потерь, а не спасения [5]: «Если будет принята программа В, 400 человек умрут.

Если будет принята программа Г, с вероятностью $\frac{1}{3}$ никто не умрет и с вероятностью $\frac{2}{3}$ умрут 600 человек.

Какую из двух программ выберете Вы?»

5. После ответа участнику снова предлагалось:

- а) объяснить, почему он выбрал такой вариант решения;
- б) ответить на вопрос: «Представьте, что Вы можете не только выбирать между этими предложенными программами, но и предлагать нечто свое. Какие собственные решения Вы считали бы нужным предложить?»

Последний вопрос-предложение позволял участнику проявить более широкую собственную личностную и творческую активность, чем та, которая задается требованием только выбора между уже сформулированными кем-то опциями.

Обработка результатов

Анализ ответов проводится с использованием качественного метода анализа данных — техники конденсации смысла А. Джорджи [1; 6], поскольку данный метод является одним из тех, которые помогают организовать, структурировать высказывания участника и представить их в сравнительно небольшом объеме, выявив скрытые смыслы того, что было сказано (написано) участником. Оценка связей между сделанными выборами в задаче «Азиатская болезнь», показателями отношения человека к неопределенно-

сти и его готовности/неготовности к риску по методикам MSTAT и ЛФР-21 производится с помощью количественных методов.

Выборка

В исследовании приняли участие 76 человек от 20 до 65 лет. Каждый участник решал задачу «Азиатская болезнь» дважды, соответственно всего получено 152 ответа.

Результаты

В рамках данной статьи для нас представляют особый интерес те результаты, которые непосредственно относятся к ответам людей в задаче «Азиатская болезнь» и их обоснованиям участниками. Обсуждение результатов анализа связей ответов с показателями по методикам «Шкала общей толерантности к неопределенности» и «Личностные факторы принятия решения» («ЛФР-21») здесь не приводится в силу ограничений объема статьи.

1. Ответы респондентов на вопросы о причинах их выбора можно разделить на две группы.

- а) ответы, апеллирующие только к математической логике расчета вероятностей (их можно условно назвать «рациональные», «статистические»). Например: «Потому что есть 100 %-ная вероятность, что хотя бы часть населения спасется»; «200 человек точно спасутся»; «Слишком большой процент смертей в первом варианте» и т. п. Таких ответов было 35 %;
- б) ответы, апеллирующие также (или даже преимущественно) к мировоззренческому, ценностно-смысловому, эмоциональному измерению ситуации и предлагаемого выбора. Например: «Хоть программа А и обеспечивает безукоризненное спасение определенному количеству заразившихся, в отличие от программы Б, где успешность действий определяется случаем, второй вариант развития событий выглядит честнее по отношению к жителям, подхватившим недуг»; «Президент не может рисковать жизнями граждан, зная, что может наверняка спасти хоть какую-то часть» и т. п. Таких ответов было 65 %.

Выделенные группы ответов респондентов — это одно из эмпирических подтверждений теоретических взглядов современных системных моделей процесса выбора (Н. Ф. Наумова, Т. В. Корнилова, Д. А. Леонтьев), в которых подчеркивается невозможность построения теории выбора в ситуациях неопределенности на сугубо рациональных основаниях и необходимость привлечения положений экзистенциальной философии и психологии [9]. Речь идет не просто о когнитивном устранении неопределенности жизненных ситуаций, но об *экзистенциальном самоопределении* в ней — взятии ответственности за свой выбор в соотношении с собственными возможностями и ограничениями, ценностями и смыслами, эмоциональным отношением.

Возвращаясь к нашему исследованию, обратим внимание на следующее. Предложение участнику: «Напишите, пожалуйста, почему Вы выбрали эту программу? На чем основывается Ваш выбор и как Вы можете его объяснить?» — побудило многих участников, хотя это не требовалось инструкцией, делать рефлексивные высказывания *о себе*. Другие участники высказывались только о содержании задачи (например: «Можно выбрать любую из программ, поскольку матожидание одинаковое») — и это вполне правильный ответ, если основываться на принципах теории принятий решений, оптимизирующих полезность. Но нас здесь с точки зрения изучения *саморефлексии* в большей степени интересуют те участники, которые, как сказано

выше, без какой-либо инструкции и наводки со стороны экспериментатора начинали делать высказывания о себе.

Это высказывания:

- о своих принципах принятия решений («Моя философия позволяет мне рискнуть и попытаться спасти большее число людей либо не спасти никого»; «“Все или ничего” не для меня. Не люблю рисковать (хотя, возможно, математически они [программы] равны»; «Мой выбор основывается на том же, что и в предыдущей задаче. Программа Г выглядит честнее — либо все погибают, либо все остаются в живых»);
- о своих мыслях и эмоциях («Думаю, нужно рискнуть в этом случае, хотя понимаю, что будет много неодобрения со стороны окружающих, но когда есть хотя бы малая вероятность спасти всех, я бы жалела, что не решилась»; «Трудно обречь 400 человек на гибель, хочется дать шанс спастись всем, хоть он и невелик»);
- о динамике решения («Сначала я хотела выбрать вариант Г, но потом поняла, что это те же условия, что и в первом выборе»);
- общие самооценочные высказывания («Некоторые люди очень плохи в дробях, например, такие, как я. Я почитала, программа Б, потому что верю в лучшее»), часть из которых вполне могла бы в более развернутой форме быть формулировками пункта личностного опросника («Не люблю рисковать», «Если есть хоть какой-то шанс спасти всех — я им воспользуюсь»).

Назовем эти высказывания проявлением *инициативной саморефлексии* — рефлексии по поводу своих мировоззренческих принципов, личностных черт, интеллектуальных особенностей, мыслей, эмоций, развертывающейся и эксплицируемой человеком без явного побуждения со стороны другого (в данном случае — экспериментатора). Такого типа рефлексия может актуализироваться в целом ряде ситуаций, но в рассматриваемом контексте важно, что она развертывалась по поводу решения сложной моральной дилеммы (о выборе меньшего зла — минимизации числа смертей), притом что никакого внешнего требования самооценочных высказываний не было. И часть респондентов вполне обошлась без описываемой рефлексии, выбрав путь чисто рациональных, объективизированных обоснований своего выбора (например, только в терминах строгого математического сравнения вероятностей потенциальных выигрышей и потерь).

Предполагаемыми функциями развертывания этой *инициативной саморефлексии* могут быть внутренняя поддержка принимаемых решений, а также экспликация для другого (в данном случае — для экспериментатора) особенностей своего мировоззрения, внутренних состояний, мыслей, эмоций, трудностей, испытываемых при решении моральной дилеммы. Эти функции связаны с тем, что, как отмечает Е. Б. Старовойтенко, «высказывание в адрес Другого актуализирует способность Я представлять и мыслить о себе» [16. С. 135], а ценностный эффект высказывания может быть усилен при рефлексии *Я своей диалогической позиции в отношении к Другому* [Там же. С. 137].

Наблюдаемое в рамках данного исследования «созерцание осуществляющегося бытия посредством наблюдения человеком над совершающимся и переживаемым событием и содеянным в нем собственным поступком или осуществленной при этом деятельностью» [15. С. 35] определяется И. Н. Семеновым как «процессуальная рефлексия». С точки зрения феноменологии она является актами самонаблюдения человека, приводящими его к *самосознанию собственной индивидуальности* — «уникального и неповторимого своеобразия своего целостного Я, которое самоактуализируется и самореализуется в проблемно-конфликтных ситуациях жизнедеятельности» [Там же].

Поставим мысленный эксперимент. Представим, что участникам дали задачу, построенную по тому же логическому принципу, что и «Азиатская болезнь», но на другом материале — предохранении от поломок при перевозке в партии пластиковых стаканчиков, когда известно, что при любом варианте перевозки есть риски поломки того или иного процента стаканчиков и

можно лишь выбирать между этими рисками. Очевидно, что в этих условиях становятся весьма маловероятными обоснования решения с рефлексией типа приведенной выше («Моя философия позволяет мне рискнуть», «Трудно обречь... хочется дать шанс» и т. д.). Исключения — подчеркнуто иронически-юмористические высказывания, сделанные «для смеха» и при этом скрыто обозначающие возможность намного более серьезных ситуаций. Проблема предохранения от поломок пластиковых стаканчиков выглядит как техническая (прикладная математическая), не затрагивает экзистенциальных оснований выбора и вряд ли способствует развертыванию и экспликации инициативной нравственной саморефлексии. Выбор в «Азиатской болезни» выглядит принципиально иным.

Вернемся к полученным по этой методике результатам. В целом можно констатировать, что при обосновании своих выборов о гибели-спасении людей участники чаще опирались на рассуждения, включающие *мировоззренческую составляющую*, чем на чисто статистические рассуждения. При этом тенденция к доминированию ответов с мировоззренческой составляющей была сильнее выражена при формулировке предлагаемого выбора в терминах варианта потерь (а не варианта спасения), особенно при выборе программы Г (в ней говорится, что «с вероятностью $\frac{1}{3}$ не погибнет никто, а с вероятностью $\frac{2}{3}$ умрут 600 человек»). Участники, выбравшие ее, писали: «Всегда хочется надеяться на лучший исход, который возможен только при втором варианте» (при программе Г, в отличие от В); «Я доверяюсь и себе, выбрав второй вариант, и чему-то большему, что может сделать (или не сделать) чудо».

2. Ответы на вопрос: «Представьте, что Вы можете не только выбирать между этими предложенными программами, но и предлагать нечто свое. Какие собственные решения Вы считали бы нужным предложить?» — можно подразделить на 4 группы:

а) очевидные и не очень содержательные ответы типа «Я бы предложил спасти всех». Тем самым эти участники выходили из условной ситуации, неявно предполагающей, что спасти всех нельзя; президент этого не делает, а врачи не предлагают вовсе не потому, что данным персонажам задачи это не пришло в голову, а участник это сообразил.

Другие три группы ответов были содержательными:

б) ответы, предлагающие предоставить возможность принятия решения более широкому кругу лиц (путем либо всеобщего голосования в стране, либо предоставления права выбора самим заболевшим);

в) предложения, касающиеся применения программ лечения не так, как их предполагается применить по условиям задачи. Например, участник предлагает использовать не одну программу лечения, а обе сразу — одну на одной половине заболевших, вторую — на другой;

г) организационные решения по борьбе с болезнью в более широком контексте, помимо собственно предлагаемых программ.

Таким образом, можно видеть, что предложенная нами модификация задачи «Азиатская болезнь» позволяет получить новые данные о том, какие факторы (ценностные, мировоззренческие) могут стоять за принятием того или иного морального решения и как может развертываться *инициативная саморефлексия* участника в предлагаемых обстоятельствах. Соотнося полученные на данный момент результаты исследования с концепцией «диалогического Я» Х. Херманса [22], мы можем говорить о том, что в ситуациях моральных дилемм «высвечиваются» «Я-рациональное» и «Я-эмоциональное» личности.

В процессе самоопределения и самодетерминации человека при решении данных задач у нее возникает возможность занять метапозицию над этими двумя «Я» [21; 23], осуществить или не осуществить диалог между ними, совершить метавыбор (исследования Т. В. Корниловой и ее последователей): не просто выбор между альтернативами (объектами, способами действия), а выбор системы ценностей, на которые ориентироваться при принятии решения в данной конкретной ситуации или в более широком контексте [8; 19; 20]. Благодаря такой метапозиции, метавыбору, диалогу между «Я-рациональным» и «Я-эмоциональным» человек рассматривает большее количество возможных исходов ситуации в зависимости от принятого решения, предлагает различные варианты решения ситуации, стремясь тем самым выйти за пределы ее дуальности, при этом осозная, рефлексирюя большее количество собственных мыслей, чувств, переживаний. И, таким образом, согласуя, примиряя различные свои субъектные подсистемы в ситуации неизбежного риска (в ситуации моральной дилеммы), «Я» как *субъект саморефлексии*» (В. А. Петровский) (см.: [11. С. 36]) переживает, проживает и убеждается в том, что «я есть».

Выводы

1. Рассмотренная в статье *инициативная саморефлексия* человека при решении *моральной дилеммы* — это рефлексия по поводу своих мировоззренческих принципов, личностных черт, интеллектуальных особенностей, мыслей, эмоций, развертывающаяся и эксплицируемая человеком без явного побуждения со стороны другого (в данном случае — экспериментатора).

Предполагаемыми функциями этой *инициативной саморефлексии* могут быть внутренняя поддержка принимаемых решений, а также экспликация для другого (хотя он этого не требует) особенностей своего мировоззрения, внутренних состояний, мыслей, эмоций, трудностей, испытываемых при решении моральной дилеммы.

2. Явление инициативной рефлексии было изучено на материале задачи Д. Канемана и А. Тверски «Азиатская болезнь», модифицированной авторами статьи. Особенности нашей модификации является следующее:

- а) предложение участнику обосновать сделанный им выбор;
- б) задание участнику предложить собственные решения, позволяющие ему проявить более широкую собственную личностную и творческую активность, чем та, которая задается требованием только выбора между уже сформулированными кем-то опциями.

Инициативная саморефлексия была составляющей тех обоснований своего решения, которые апеллировали к *мировоззренческому, ценностно-смысловому отношению* к предлагаемым выборам (такие обоснования составляли бóльшую часть ответов участников). Она не встречалась среди ответов, апеллирующих только к математической логике расчета вероятностей (их можно условно называть «рациональные», «статистические», и они составляли меньшую часть).

3. Таким образом, полученные данные вносят вклад в понимание взаимодействия мышления и эмоций личности, «Я-рационального» и «Я-эмоционального», диалога внутреннего «человека Юма» с большим сердцем и внутреннего «человека Канта» с большим мозгом, если использовать метафору М. Хаузера [18]. Частью данного диалога для некоторых людей выступает инициативная саморефлексия, дающая возможность занять метапозицию над этими двумя «Я» — рациональным и эмоциональным. Другие люди в той же самой ситуации не считают нужным эксплицировать развертывание саморефлексии или даже, возможно, не считают нужным само ее развертыва-

ние. Изучению этих различий и связанных с ними условий и факторов планируется посвятить следующий этап исследования.

The initiative self-reflection of the person while solving moral dilemma is considered in the article. It is the reflection about the world view principles, personal traits, intellectual features, thoughts, emotions, difficulties, which experienced while solving moral dilemma. And it is developed and explicated by the person without obvious motivation from another person. This phenomenon has been studied on a case study of «An Asian disease» by D. Kahneman and A. Tversky, modified by authors of the article and giving to the participant an opportunity to prove his choice. The initiative self-reflection was the element of evidences of the decision making which appealed to belief system, axiological relation to the offered choices (such evidences constitute a majority of participant's answers), and didn't occur among the answers appealing only to mathematical logic of calculus of probabilities (minority). The findings contribute to understanding of interaction of thinking and emotions, «Self-rational» and «Self-emotional» while solving moral dilemmas.

Keywords: moral dilemmas, «An Asian disease», decision making, initiative self-reflection, thinking, emotions, «Self-rational», «Self-emotional».

Литература

1. Бусыгина, Н. П. Методология качественных исследований в психологии : учеб. пособие / Н. П. Бусыгина. — М. : НИЦ Инфра-М, 2013.
Busygina, N. P. Metodologiya kachestvennyh issledovanij v psihologii : ucheb. posobie / N. P. Busygina. — M. : NIC Infra-M, 2013.
2. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. — М. : Педагогика, 1991.
Dzhejms, U. Psihologiya / U. Dzhejms. — M. : Pedagogika, 1991.
3. Знаков, В. В. Психология понимания мира человека / В. В. Знаков. — М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2016.
Znakov, V. V. Psihologiya ponimaniya mira cheloveka / V. V. Znakov. — M. : Izd-vo In-ta psihologii RAN, 2016.
4. Знаменская, И. И. Интуитивные и рациональные компоненты морального выбора у детей 3—11 лет / И. И. Знаменская, И. М. Созинова, Ю. И. Александров // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2013. — Т. 6, № 2. — С. 57—70.
Znamenskaya, I. I. Intuitivnye i racional'nye komponenty moral'nogo vybora u detej 3—11 let / I. I. Znamenskaya, I. M. Sozinova, Yu. I. Aleksandrov // Teoreticheskaya i jeksperimental'naya psihologiya. — 2013. — T. 6, № 2. — S. 57—70.
5. Канеман, Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психол. журн. — 2003. — Т. 24, № 4. — С. 31—42.
Kaneman, D. Racional'nyj vybor, cennosti i frejmy / D. Kaneman, A. Tverski // Psihol. zhurn. — 2003. — T. 24, № 4. — S. 31—42.
6. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. — М. : Смысл, 2003.
Kvale, S. Issledovatel'skoe interv'yu / S. Kvale. — M. : Smysl, 2003.
7. Кон, И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И. С. Кон. — М. : Политиздат, 1984.
Kon, I. S. V poiskah sebya: lichnost' i ee samosoznanie / I. S. Kon. — M. : Politizdat, 1984.
8. Корнилова, Т. В. Принятие решений и риск: психология неопределенности [Электронный ресурс] / Т. В. Корнилова. — Режим доступа: www.rfh.ru/downloads/Books/144693004
Kornilova, T. V. Prinyatie reshenij i risk: psihologiya neopredelennosti [Elektronnyj resurs] / T. V. Kornilova. — Rezhim dostupa: www.rfh.ru/downloads/Books/144693004
9. Леонтьев, Д. А. Проблема выбора в науках о человеке: от рациональных моделей к экзистенциальным / Д. А. Леонтьев, А. Х. Фам, Е. Ю. Овчинникова // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения : матер. всерос. науч. конф., 27—28 окт. 2015 г., ИФ РАН (Москва) : в 3 т. — М., 2015. — Т. 1. — С. 18—33.
Leont'ev, D. A. Problema vybora v naukah o cheloveke: ot racional'nyh modelej k jekzistencial'nyum / D. A. Leon'tev, A. H. Fam, E. Yu. Ovchinnikova // Chelovek pered vyborom v sovremenom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya : mater. vseros. nauch. konf., 27—28 okt. 2015 g., IF RAN (Moskva) : v 3 t. — M., 2015. — T. 1. — S. 18—33.
10. Леонтьев, Д. А. Диагностика толерантности к неопределенности: шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин, Е. Г. Луковицкая. — М. : Смысл, 2016.
Leont'ev, D. A. Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: shkaly obshchej tolerantnosti k neopredelennosti D. Maklejna / D. A. Leont'ev, E. N. Osin, E. G. Lukovickaya. — M. : Smysl, 2016.
11. Петровский, В. А. Логика «Я»: персонологическая перспектива / В. А. Петровский. — Самара : Изд-во САМГУ, 2009.
Petrovskij, V. A. Logika «Ya»: personologicheskaya perspektiva / V. A. Petrovskij. — Samara : Izd-vo SAMGU, 2009.
12. Поддьяков, А. Н. Альтер-альтруизм / А. Н. Поддьяков // Психология : журн. Выш. шк. экономики. — 2007. — Т. 4, № 3. — С. 98—107.

Podd'yakov, A. N. Al'ter-al'truizm / A. N. Podd'yakov // Psihologiya : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2007. — Т. 4, № 3. — С. 98—107.

13. *Поддьяков, А. Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей / А. Н. Поддьяков. — М. : Изд. дом Высш. shk. jekonomiki, 2014.*

Podd'yakov, A. N. Komplikologiya: sozdanie razvivayushchih, diagnostiruyushchih i destruktivnyh trudnostej / A. N. Podd'yakov. — М. : Izd. dom Vyssh. shk. jekonomiki, 2014.

14. *Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т. В. Корнилова [и др.]. — М. : Смысл, 2010.*

Psihologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka / T. V. Kornilova [i dr.]. — М. : Smysl, 2010.

15. *Семенов, И. Н. Методологические проблемы этимологии и типологии рефлексии в психологии и смежных науках / И. Н. Семенов // Психология : журн. Высш. shk. jekonomiki. — 2013. — Т. 10, № 2. — С. 24—45.*

Semenov, I. N. Metodologicheskie problemy jetimologii i tipologii refleksii v psihologii i smezhnyh nauk / I. N. Semenov // Psihologiya : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2013. — Т. 10, № 2. — С. 24—45.

16. *Старовойтенко, Е. Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия / Е. Б. Старовойтенко // Психология : журн. Высш. shk. jekonomiki. — 2013. — Т. 10, № 4. — С. 121—142.*

Starovojtenko, E. B. Vozmozhnosti Ya v otnoshenii k Drugomu: germenevtika i refleksiya / E. B. Starovojtenko // Psihologiya : zhurn. Vyssh. shk. jekonomiki. — 2013. — Т. 10, № 4. — С. 121—142.

17. *Франкл, В. Десять тезисов о личности / В. Франкл // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. — 2015. — № 1. — С. 265—273.*

Frankl, V. Desyat' tezisov o lichnosti / V. Frankl // Jekzistencial'naya tradiciya: filosofiya, psihologiya, psihoterapiya. — 2015. — № 1. — С. 265—273.

18. *Хаузер, М. Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / М. Хаузер ; пер. с англ. Т. М. Марютиной под ред. Ю. И. Александрова. — М. : Дрофа, 2008.*

Hauzer, M. Moral' i razum. Kak priroda sozdavala nashe universal'noe chuvstvo dobra i zla / M. Hauzer ; per. s angl. T. M. Maryutinoj pod red. Yu. I. Aleksandrova. — М. : Drofa, 2008.

19. *Чигринова, И. А. Интеллектуальная и ценностная регуляция личностного выбора (на материале моральных дилемм) : дис. ... канд. психол. наук / И. А. Чигринова. — М., 2015.*

Chigrinova, I. A. Intellektual'naya i cennostnaya regulyaciya lichnostnogo vybora (na materiale moral'nyh dilemm) : dis. ... kand. psihol. nauk / I. A. Chigrinova. — М., 2015.

20. *Чумакова, М. А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности : дис. ... канд. психол. наук / М. А. Чумакова. — М., 2010.*

Chumakova, M. A. Lichnostnye predposylki racional'nogo vybora v usloviyah neopredelennosti : dis. ... kand. psihol. nauk / M. A. Chumakova. — М., 2010.

21. *Hermans, H. J. M. Dialogical self theory: positioning and counter-positioning in a globalizing society / H. J. M. Hermans, A. Hermans-Konopka. — London ; N. Y., 2010. — 404 p. — doi:10.1017/CBO9780511712142*

22. *Hermans, H. J. M. History, main tenets and core concepts of 'dialogical self' theory / H. J. M. Hermans // Handbook of Dialogical Self Theory / ed. by H. J. M. Hermans, T. Gieser. — Cambridge, 2012. — P. 1—22.*

23. *Ragatt, P. T. F. Positioning in the dialogical self: recent advances in theory construction / P. T. F. Ragatt // Handbook of Dialogical Self Theory / ed. by H. J. M. Hermans, T. Gieser. — Cambridge, 2012. — P. 29—45.*

В. В. Колпачников

Соотношение тенденций к актуализации и к самоактуализации в человекоцентрированном подходе¹

В статье анализируются и проясняются важнейшие для теории личности человекоцентрированного подхода Карла Роджерса понятия «тенденция к актуализации» и «тенденция к самоактуализации», рассматриваются варианты их возможного соотношения. Показано, что эти тенденции могут как противоречить друг другу, будучи направлены на различные цели, так и совпадать или гармонично сочетаться, образуя в последнем случае так называемую аутентичную самоактуализацию. Рассматриваются психологические последствия для человека как совпадения, так и несовпадения указанных тенденций. Приведены примеры, показывающие полезность категорий «тенденция к актуализации» и «тенденция к самоактуализации» как для понимания и анализа жизнедеятельности современного человека, так и для содействия человеку в решении психологических проблем и проживании аутентичной жизни в условиях трудного и сложного жизненного мира.

¹ Приглашаем к обсуждению проблемы, поднятой в статье В. В. Колпачникова.

Колотаев Владимир Алексеевич — доктор филологических наук, декан факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». E-mail: vakolotaev@gmail.com

Колпачников Вениамин Валентинович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: vkolpachnikov@hse.ru

Маланов Сергей Владимирович — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа». E-mail: MalanovSV@mail.ru

Марков Василий Николаевич — доктор психологических наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: v_n_markov@mail.ru

Мельничук Андрей Степанович — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности факультета психологии Института общественных наук ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». E-mail: melnichuk-as@ranepa.ru

Немчинов Виктор Михайлович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт востоковедения Российской академии наук», директор Музея исторического сознания, основатель и руководитель международной образовательно-поисковой платформы «Диаверситет». E-mail: viators@mail.ru

Носкова Ольга Геннадьевна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». E-mail: nog4813@mail.ru

Петренко Виктор Федорович — доктор психологических наук, профессор, заведующий Лабораторией психологии общения и психосемантики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» и Лабораторией когнитивных исследований Института системного анализа ФГУ «Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” Российской академии наук», член-корреспондент Российской академии наук. E-mail: viktor-petrenko@mail.ru

Петровский Вадим Артурович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности, ординарный профессор, Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», член-корреспондент Российской академии образования. E-mail: petrowskiy@mail.ru

Пляскина Алиса Сергеевна — магистр психологии, аспирант Аспирантской школы по психологии, психолог Центра психологического консультирования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: asplyaskina@gmail.com

Поддьяков Александр Николаевич — доктор психологических наук, профессор, профессор департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: apoddiakov@hse.ru

Репецкая Анжела Васильевна — старший преподаватель кафедры психологии Запорожского национального технического университета (Украина), соискатель кафедры общей и социальной психологии и психотерапии Института социологии, психологии и управления Национального педагогического университета имени Н. П. Драгоманова (Украина, Киев). E-mail: angel-in-65@rambler.ru

Репецкий Юрий Анатольевич — соискатель кафедры практической психологии Запорожского национального университета (Украина), заведующий Запорожским отделением Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования (Украина). E-mail: gerecky@list.ru

Розин Вадим Маркович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт философии Российской академии наук». E-mail: rozinvm@gmail.com